

ной, то это было неизбежнымъ слѣдствіемъ узости тѣхъ формулъ, къ какимъ пришелъ раньше Толстой.—Переходя къ болѣе подробному анализу затронутыхъ вопросовъ, остановимся сначала на элементахъ пантеизма у Толстого.

Выдѣленіе разумнаго сознанія изъ общаго потока душевной жизни, сгущеніе его въ особую „высшую жизнь“ основывалось, какъ мы видѣли, на чувствѣ вѣвременности нѣкоторыхъ переживаній; все же, что подчинено времени и ограничено имъ, тѣмъ самымъ не входитъ въ составъ высшей жизни, открывающейся въ человѣкѣ. Уже отсюда видно, что высшая жизнь какъ бы *непроизводна*, такъ какъ ея основной признакъ не есть ни развитіе, ни видоизмѣненіе того, чѣмъ характеризуется душевное бытіе личности. Эта невыводимость „высшей жизни“ изъ душевной жизни личности не устраняется, а подкрѣпляется, по Толстому, существованіемъ какъ разъ именно обратной зависимости. Тѣлесная и душевная жизнь отдѣльнаго человѣка только вѣдь потому и переживаются нами какъ наша единая и цѣльная жизнь, что они одушевлены разумнымъ „я“, придающимъ имъ характеръ цѣлостности и стойкости. На эту тему о непроизводности и изначальности разумнаго „я“, о его значеніи для самосознанія написаны Толстымъ блестящія и превосходныя страницы (см. трактатъ „О жизни“, особенно стр. 125—131). Начало индивидуальности реализуется впервые лишь благодаря разумному „я“, которое возвышается надъ потокомъ бытія,—и безъ него индивидуальность была бы пустымъ, безсодержательнымъ понятіемъ. Фактъ индивидуальности, какъ видимъ, Толстой сознавалъ во всей его глубинѣ и объемѣ, но какъ только онъ переходитъ къ ближайшему анализу этой высшей жизни, составляющей, по его собственному признанію, ядро и основу индивидуальности¹⁾, такъ его мысль, конечно, подъ вліяніемъ этическаго универсализма, соскальзываетъ въ плоскость безличнаго, поглощающаго индивидуальность пантеизма. То, что является самой сутью, основой, началомъ индивидуальности въ мірѣ явленій, въ мірѣ пространства и времени,—внѣ ихъ оказывается лишеннымъ характера индивидуальности. Почему? Потому, что содержаніе этого разумнаго „я“ понималось Толстымъ исключительно этически.

¹⁾ См. напр. „О жизни“, стр. 128